

СЛАВА НАРОДУ

Два бойца

1941 - 1945

*Я убит под Ржевом,
Тот еще под Москвой.
Где-то, воины, где вы,
Кто остался живым?
В городах миллионов,
В селах, дома в семье?
В боевых гарнизонах
На не нашей земле?
Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах или в снегу...
И вам жизнь завещано,
— Что я больше могу?
Завещано в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
Счастливо дальше служить.
Горевать — горделиво,
Не кланясь головой,
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.
И беречь ее свято,
Братья, счастье свое —
В память воина-брата,
Что поиб за нее.*

Александр ТВАРДОВСКИЙ.

Боевых свидетелей Великой Отечественной войны год от года становится всё меньше. И каждое непосредственное общение с ними воспринимаешь как удачу и как возможность поклониться — за их мужество и наше счастье свободно дышать.

В Хомутово мне вдвойне повезло — в районной администрации предложили познакомиться с замечательной семьей ветеранов, оба из которых прошагали огненными дорогами войны, служили на разных фронтах, а нашли друг друга на орловской земле.

Небольшой деревянный домик Панфиловых (фамилия-то какая — героическая!) издали ничем такой не примечательный. А подошла ближе — ахнула! Все пространство перед домом, каждая пядь — в синих подснежниках. И стоит дом словно корабль на морской глади, или остров. Островок уюта и душевного тепла. И тебя всего словно что-то нежно обнимает, как только переступаешь порог.

При первом взгляде на Татьяну Степановну и Сергея Георгиевича пронзает мысль: "Как они красивы". Эта пепельная седина, это невероятное сочетание в глазах детской чистоты и стариковской тихой мудрости. И еще одно сразу почувствовалось: в этой семье мужчина преклоняется перед женщиной. Увы, редкое явление для нынешних времен, кои иной раз кажутся совершенно бесполовыми.

Право первой рассказать о себе Сергей Георгиевич предоставил супруге. Татьяна Степановна (родом из Верховского района, перед войной жила в Хомутово) окончила в войну семнадцатилетней девчонкой. Шёл сорок третий. На дому стояли штабисты. Начштаба предложил написать заявление, добавил: "Будет тяжело — уйдет".

Она помнит тот день — 17 марта — когда перестала быть просто девочкой Танюшкой, теперь она была

красноармеец Хвостова в должности санитарки".

— Неужто не страшно было? — спрашиваю.

— Еще как страшно.

— А первую свою перевязку помните?

— Это под Ливнами было. Обстрел был кошмарный, бомбили жутко. Помню принесил бойца, пуля в легкое ему попала. Он еще дышал, а из груди кровавая пена шла. У меня голова закружилась, стало тошнить. Врач, командир нашего санитарного батальона, рассердился и крикнул: "Ну и кому тут помощь оказывать?". Неделю я есть ничего не могла. Потом ко мне комбат подошел и говорит: "Потошнит-потошнит и перестанет. Надо привыкать, дочка". Привыкла.

Татьяна служила на Брянском фронте. После Орла были Белье Берега, Клинцы. Закончила войну в Риге.

Сергей Георгиевич, когда тот был в ее санитарной службе момент, который можно считать неким знаком. Один раненый простонал: "Сестричка, у меня письмо в кармане...". Только и успел сказать. Таня нашла письмо. На нем было написано: Ленинград, какой-то там проспект... Как раз на Ленинградском фронте воевала ее судьба.

Сергей Георгиевич, когда тот был мальчишкой-пятиклассником, отец перевез из Хомутово в Москву. Там через несколько лет и застала его война. Сначала отец попросил товарища, работавшего на авиазаводе: "Возьми Сергежу". На заводе паренек работал сборщиком. Через некоторое время завод эвакуировали в Куйбышев. Транспорт в первую очередь давали семейным. Остальные уезжали кто как мог. Сергей остался.

Повседневность порой тоже похожа на войну. В ней приходится сражаться за свое право и свободу, за справедливость и счастье.

Кстати, о счастье. После войны Татьяна вернулась в Хомутово, какое-то время жила в землянке, где ютились две семьи.

Её землянка неподалеку от моей школы была, — вспоминает Сергей Георгиевич, — эта девушка иногда проходила мимо, и однажды я понял, что накрепко запала она мне в душу.

Вспомниваю в фотографии последних дней войны. На одной девчонка — интересная такая, как сейчас говорят, с изюминкой то бишь. Взгляд умный, внимательный. Косы толщиной в кулак. На другой — парень: по-детски пухлые губы, мягкий овал щек... Только глаза смотрят не по возрасту взросло.

В сорок пятом повстречались, в сорок восьмом сыграли свадьбу. Она оценила его серьезность, скромность и доброту. Он пленился ее внешностью, проникся уважением за то, что "хозяйка и чистотуля". Сейчас порой и поворотчак друг на дружку по-стариковски, но это мелочи. Главное, что создали семью, пустили корни в родной земле. Ветвится родовое древо Панфиловых: от сыновей Александра и Владимира внуки пошли — два Дмитрия, Анна и Александр, уже и двое правнуков родилось — Андрюша и Маша. Простые и красивые русские имена. И есть в этом что-то обнадёживающее, вселяющее веру в нечто неизбежное, что невозможно вытравить и разрушить.

Смотрю на нынешних старшекласников — хиленькие, ножки то-

ненькие, плечи чуть шире голы. Редко кто дружит с турником и гантелями. А в послевоенные времена мальчишек еще в школе серьезно готовили. Ученики Панфилова (многие уже до генералов дослужились) в армию уходили закаленные, с хорошей огневой и строевой подготовкой. Много, много мы потеряли, широко шагнув в рыночные времена...

Повседневность порой тоже похожа на войну. В ней приходится сражаться за свое право и свободу, за справедливость и счастье.

Кстати, о счастье. После войны Татьяна вернулась в Хомутово, какое-то время жила в землянке, где ютились две семьи.

Её землянка неподалеку от моей школы была, — вспоминает Сергей Георгиевич, — эта девушка иногда проходила мимо, и однажды я понял, что накрепко запала она мне в душу.

Вспомниваю в фотографии последних дней войны. На одной девчонка — интересная такая, как сейчас говорят, с изюминкой то бишь. Взгляд умный, внимательный. Косы толщиной в кулак. На другой — парень: по-детски пухлые губы, мягкий овал щек... Только глаза смотрят не по возрасту взросло.

В сорок пятом повстречались, в сорок восьмом сыграли свадьбу. Она оценила его серьезность, скромность и доброту. Он пленился ее внешностью, проникся уважением за то, что "хозяйка и чистотуля". Сейчас порой и поворотчак друг на дружку по-стариковски, но это мелочи. Главное, что создали семью, пустили корни в родной земле. Ветвится родовое древо Панфиловых: от сыновей Александра и Владимира внуки пошли — два Дмитрия, Анна и Александр, уже и двое правнуков родилось — Андрюша и Маша. Простые и красивые русские имена. И есть в этом что-то обнадёживающее, вселяющее веру в нечто неизбежное, что невозможно вытравить и разрушить.

Смотрю на нынешних старшекласников — хиленькие, ножки то-

Ангела САЗОНОВА.

Лучший из лучших

Так отзываются о ветеране Великой Отечественной войны В.П. Голощапове бывшие коллеги. Он всегда пользовался особым уважением — и на поле боя, и в мирной жизни. О войне, службе в органах безопасности с Виталием Петровичем беседует наш корреспондент.

— В 1941 году я окончил восемь классов орловской школы №6. Когда началась война, тех, кто постарше, призвали на фронт. А в школах начали создавать бригады содействия милиции. Записали в такую бригаду и меня. Выдали нам повязки и направили патрулировать Заводской район. Руководил нами оперативный работник милиции.

Виталий Петрович, где вы узнали о победе?

— Это было в городе Цвикау в Германии. Освободив город, наша дивизия колонной выдвинулась на новые позиции. Неожиданно началась интенсивная стрельба. Мы рассредоточились, приготовились к бою, решили, что фашисты пошли в атаку. И вдруг слышим крики «ура!». Германия капитулировала. Какая радость была!

— Как складывалась ваша жизнь после войны?

— Сначала служил в Австрии, недалеко от Вены, потом в Венгрии в Центральной группе войск. Оттуда поехал в Украину, в город Умань. В 1948 году вернулся в родной Орел. Хотел поступать в Ленинградский финансовый институт, но тут жизнь сделала неожидан-

ный поворот. Мне предложили работу в органах безопасности. Заочно окончил юридический факультет в Воронеже, а с 1951 года началась моя служба в КГБ. В послевоенные годы много времени занимала работа, направленная на поиск государственных преступников, работавших на фашистов. В основном бывшие пособники скрывались в селах: там проще было спрятаться, так как сельские жители в то время еще не имели паспортов.

Важнейшим направлением работы было также пресечение деятельности иностранных разведок. Тогда многие из них проявляли интерес к орловским предприятиям. Расскажу один интересный случай. Сотрудники разведки одной из ведущих стран мира, имеющие дипломатический статус, стали интересоваться некоторыми объектами в нашем городе. Мы под благовидными предлогами старались ограничить их доступ и даже создавали целые легенды о местах, якобы имевших для нас большое значение, чтобы отвлечь их внимание от действительно важных объектов. Возникла и необходимость познакомиться с содержимым папки, которую «дипломаты» постоянно носили с собой. Как быть? Решили создать удобную обстановку. В ресторане гостиницы за ужином иностранцы немного расслабились. Один даже пошел танцевать. Второй остался за столиком, папка лежала рядом. На несколько секунд удавалось отвлечь и его. Папка исчезла. Иностранцы — в крик. Появился «милиционер» — то же наш сотрудник. А буквально через час привели «воров» — молоденького парнишку, который якобы и украл папку. Иностранцы шум поднимают не стали, благодарили «милиционера» за оперативную работу. Конечно, все содержимое папки было на месте. А мы за это время успели сделать необходимые снимки документов, которые оказались действительно очень важными. Было это в шестидесятые годы. Много интересного происходило, но специфика нашей работы такова, что даже сейчас рассказывать можно не обо всем.

За проведение ряда успешных контрразведывательных операций на территории Орловской области, высоко оцененных руководством КГБ, В.П. Голощапов был присвоено звание «Почетный сотрудник безопасности».

Виталий Петрович вышел на пенсию в 1975 году. Человек он скромный, рассказывает о себе не любит, больше говорит о тех, с кем довелось служить и работать. Но бывшие коллеги Виталия Петровича говорят: он — настоящий профессионал, добрый и отзывчивый человек. Больше всего в нем ценится и до сих пор ценят умение в любой ситуации отстаивать свое мнение, его порядочность и прямоту.

Елена ПРЭСНЕЦОВА.

Из племени отважных

На фронте солдаты шутили: "Чтобы стать полным кавалером ордена Славы, нужно трижды побывать на том свете и трижды воскреснуть". Только не шутка это, а полная правда. За годы войны только 2457 человек стали полными кавалерами этой боевой награды. Трое из них живут в Орловской области. Это связист орловец Виктор Михайлович Герасименко, сапер из Покровского Иван Максимович Черкасов и разведчик из Колпны Дмитрий Андреевич Карлов. Хочу рассказать о встрече с Дмитрием Андреевичем.

Апрельское утро 1984 года выдалось пасмурным и холодным. Мне пришлось исколесить на мотоцикле не один километр дорог по окрестным полям совхоза "Островский", прежде чем я нашел того, кого долго искал. Переда мной предстал скромно одетый человек, развозивший обед для механизаторов во время весеннего сева. Никто бы и не догадался, что это прославленный солдат Великой Отечественной войны.

Вся жизнь Дмитрия Андреевича связана с деревней Паниковец Первой. Здесь он родился, здесь окончил школу, работал в колхозе, отсюда ушел на фронт, сюда и вернулся.

Первые месяцы воевал автоматчиком в стрелковом взводе, да так смело, что ему предложили перейти в роту

разведки. За взятие "языка" он получил первую награду — медаль "За боевые заслуги". Вскоре последовало повышение по службе. Карлова назначили командиром отделения, присвоили звание сержанта.

В ходе Дабренской операции сержант Карлов со своей ротой первым ворвался на высоту Пояна Тиксенор. Четверо гитлеровцев брошены на него. Схватка была жестокой и короткой, но сержант вышел из нее победителем, взяв в плен троих немцев. За это подвиг его наградили орденом Славы III степени.

В Венгрии по одну сторону быстрой реки Тисы расположилось отделение сержанта Карлова, по другую — немцы. Наблюдая за противником, разведчики установили точное время смены

В румынских Карпатах во время охоты за "языками" из роты Карлова погибло десять разведчиков. Тогда командир роты капитан Негода построил бойцов и коротко бросил: "Во что бы то ни стало надо взять "языка" — и предло-

жил сделать два шага вперед тем, кто готов идти на задание. Первым вышел сержант Карлов.

Разведчики благополучно миновали опасный участок и углубились на два километра на территорию, занятую противником. Впереди проходила накатанная санная дорога. Затаившись метрах в пятнадцати от нее, разведчики увидели двух лошадей, запряженных в один сани. Насчитали 11 офицеров. Двух из них, в том числе офицера, взяли в плен, остальных уничтожили. "Языки" дали важные сведения нашей командованию. За этот смелый рейд сержанту Карлову вручили орден Славы I степени.

И еще не один раз Карлову приходилось ходить в тыл врага, а после победного мая несколько месяцев выживать бандеровцев. В мирное время Дмитрий Андреевич работал бригадиром, скотником. Сейчас живет в Колпне.

Владимир АНТОХИН.

На снимке: Д.А. Карлов, 1972 год.

Год тому назад вышла в свет книга Егора Щекотихина "9 мая 1945". Книга его сейчас представляет собой своего рода памятник, свод лаконичных свидетельств об одном дне — Дне Победы.

А все началось с того, что ученики 5-й школы Орла стали собирать воспоминания ветеранов о том великом дне. "9 мая 1945" связала поколения, стремительно расходящиеся в нашем вельмя "поворотливом" времени. Она является напоминанием о трагических и героических страницах в истории страны и народа. Предлагаем читателям фрагмент из этой книги.

...Весть о победе была для нас, молодых авиамехаников, неожиданной, хотя конец войны уже чувствовался. Набухали почки на деревьях, вот-вот должны были появиться березовые листочки. На аэродроме, расположенном у деревни Сиворичи под Гатчиной, уже появилась зеленая щетка, а палатки, в которых мы жили, за день нагрелись от солнышка, пробивавшего своими лучами вевсеннее непрочное облака. Точно не помню, кто сообщил эту самую радостную весть, но утром перед построением все, весь личный состав 52-го авиационного штурмового полка — летчики и стрелки самолетов "Ил-2", механики, а также местные жители, вдруг ринулись на летное поле к самолетам. И только слышны были возгласы: "Победа! По-

беда! Победа!" Какая-то безумная радость охватила нас. Мы, механики, без команды стали расчехлять машины, стрелки рванулись в кабины на свои места и, подняв пулеметы к небу, выпустили весь боезапас, таким образом отсалютовав первым минутам мира.

Почему-то тогда я вспомнил о своих провах на фронте. Было это в ноябре 1943 года. Мне только-только исполнилось 17 лет, и тут повестка в военкомат — явиться с кружкой, ложкой и провинтом на три дня. Проводы. Горькие и хмельные они были. На столе картошка, чуть сольца и бутылочка бражки — самое ходовое в то время хмельного напитка.

Грузовая платформа в Кермерово, товарный вагон с двухъярусными нарами, буржуйка с запасом дров на неде-

лю и стук колес. Но перед этим была картина, которая стоит до сих пор у меня перед глазами. Гудок — сигнал к разрыву рук матери, обивших твою шею. Спешный поцелуй в заслезанные щеки. Прыжок в широкий воротный проем вагона. Поезд трогается, все суетятся, стараясь выплунуть в проем с надеждой последний раз увидеть окаменевшие лица матерей. Невест у нас тогда еще не было, мы были юны и безузы.

Поезд тронулся резко, с лязгом и стал набирать ход. И вдруг на платформу выбегает мама моего товарища Сергея Дербенева, с которым мы стоим рядом. Бежит она вдоль вагонов, стараясь нагнать нужный, кричит: "Серезжа, Серезжа, Серезженька, возьми молочка на дорожку" и протягивает ему целую четвертинку. А он, горько улыбаясь (стыдно перед товарищами), в ответ: "Мамочка, да не нужно мне молочка, я уже не маленький, мама, на фронт же еду!"

И вот я помню до сих пор — стоит она на краю платформы, как на краю земли, и в застывшей руке, как платочек, к небу

поднятой, белая бутылочка молочка: все, что могла она тогда достать.

...Из моего класса, где учились 12 ребят, с фронта вернулись трое мужчин.

Б. И. Шалев.

...В тот день наша часть была далеко от Берлина. Рано утром я впервые за последние годы не услышал привычного гула фронта. Перестала стонать земля от разрывающих ее душу пулеметного смертного разговора. Наступила какая-то странная, глубокая, непривычная для уха человека на войне тишина. Стало легко на душе, свалился с плеч тяжелый, опасный груз. Война закончилась.

Н. И. Чирсков.

...В бою за освобождение чешского города Моравска-Острава я был ранен. Санитарный эшелон мчал меня в родную Россию. За окном в лучах нежного ве-

сенного солнца проплывали леса, города Польши. Остановились у полуразрушенного вокзала польского города Катовицы. Вдур в наш вагон не вошел, а просто влетел бравый майор и радостно крикнул: "Братцы, победа! Наше Красное Знамя реет над поверженным Рейхстагом! Наши разведчики ищут разбойника Гитлера!" Что тут началось! Поднялся невыносимый шум, совершенно заглушивший голос майора. Затем этот шум потонул в едином нескончаемом крике "Ура!" К великому ужасу врачей и медсестер, в тесном пространстве вагона замялись в воздухе костыли, подушки и одеяла. Кто мог, выскочил на перрон, где творился невероятный праздник освобожденного духа: гремела медь духового оркестра, звучали аккордеоны, в танцах кружились пары, солдаты лихо отплясывали "русского". У всех — сияющие счастливые лица. К сожалению, я был прикован к постели и не принял участие в этом буйстве веселья.

А. М. Бухвостов.

ПОБЕДИТЕЛЮ!

ОЧЕРК

Каждый воин — первый

Лихую военную годину трудно сравнить со сказкой, пусть даже самой страшной.

Но эта история столь необычна, что и впрямь походит на жутковатую сказку с хоршим всё-таки концом — как раз ту, какую дети обычно просят рассказать им на ночь.

Валентина Ивановна и нащёптывала перед сном про бывшее всем своим трём подрастающим дочуркам.

Итак, слушайте и вы, люди добрые. В июне сорок третьего красный лётчик Иванов летел над своей родной деревней Красный хутор. Загляделся, видать, на отчий дом — да и был сбит.

Самолёт упал в двух километрах, на бугорке у края известного мценского села Первый Воин. Лётчик остался жив и попал в лапы немцев.

Били Иванова, пытали, а потом, раз молчит, посадили до особого распоряжения о расстреле в каменный подвал, самый крепкий в селе.

Подвал принадлежал пекарю Монахову.

История семьи Монаховых тоже почти сказочна, но уместить её в газетный очерк нет никакой возможности. Когда-нибудь, коль даст Бог, явится о ней большая повесть.

А сейчас только скажем, что на тот момент растили Иван Кондратьевич и Александра Акимовна восемь детей. Могли растить и двадцать, поскольку не случалось года, чтобы Александру не была "в положении".

Любили они друг дружку сильно; и муж, когда хотел несильно нащёптать жене по щекам (кого люблю, того и бью), становился перед покорной женой на табуреточку, поскольку хотеть и был на десять лет старше жены, но и аккурат на десять сантиметров ниже.

Детей он не трогал, даже в великой ярости; мать в них души не чаяла, да и вообще была ко всем людям добра.

Хватит, пожалуй; dokonчим тем, что с момента оккупации супруги со всей детворой, от шестнадцатилетнего первенца Ивана до вскоре родившейся Вали, жили в землянке: каменный дом Монаховых немцы сразу же взяли себе.

Вернёмся к лётчику. Сидит он в холодном подвале без еды и света уж несколько дней; и сердобольной Александре стало его по-человечески жалко.

Принялась она по ночам подбираться к подвалу и через трубу-отдушину тихо кидать вниз то хлебешка с солью, то спичек с табаком. И ещё карандашную записочку: "В полу зарыта кирка с ломом".

Рискованная не спросив мужа, всё это проделала. А в итоге, когда фашисты отперли подвал, чтобы вести лётчика на расстрел, того и след простыл: сделал подкоп.

Всё бы хорошо, да вредная соседка (имя называть не стоит, она попом своё отсидела сполна, аж сгорбилась с самого начала приметила проделки Александры и теперь доносела о том немцам).

После этого красавице Шуре, лишь три месяца назад разроздившейся Вали, загнали гвозди под ногти; сорокасемилетнего Кондратыча били ногами — и кто был? Его же крестник, служивший полицаем.

— Где лётчик?

Что ответить? Шуг его знает где. Что это был земляк, никто ведь и не разгадал, немцы после пленения его сразу запрятали.

Короче, решили оккупанты всю семью повесить. С дьявольским немецким педантизмом поставили возле бывшей больницы (сейчас там Дом ребенка) восемь виселиц.

Почему не десять? Подросших стар-

чам греешься, а там сейчас из-за тебя всю семью повесят, восемь душ!

Крикнул и глазам своим не верит: вылазит из дальней копны свежего сена тот самый Иванов. Молча сел к воротам в коляску и поехал, да ещё по-раппливал.

Что же, немцы решили продемонстрировать "честность нового порядка": Монаховых отпустили прямо от виселиц, как в кино; сами виселицы тут же аккуратно спилили; и не тронули даже семью Ивановых. Впрочем, та, что-то чужа, пустилась в лес — и правильно, как сейчас увидим, сделала.

Штука в том, что лётчик снова сбегал.

Весь Первый Воин шептался об

ших сыновей в Первом Воине не было. Иван уж год как партизанит в Думчинском лесу, Василия заставили гнать в Германию свою же собственную монаховскую корову в общем стаде (он, между прочим, сумел сбегать — "ой, бурёнка отбилась, побегу завернуть!" — и вернуться вместе с коровой же; но то было поздно).

Итак, стоят в ряд виселицы, и даже метровой высоты, для грудной Вали.

— Пойдите, — вдруг сказал полицай-крестник, — мне с первого дня мелькнуло, что тот лётчик лицом вроде как похож на Иванова с Красного хутора. Не дал тогда значенья, мало ли кто на кого похож; но, может, проверим?

Сели с немцем на мотоцикл и к хутору, он же в двух шагах.

Там жена, дети Ивановы:

— Да что вы? Небось истлел давно, и не лётчик он вовсе; как учиться куда-то ещё до войны уехал, так и стигнул.

Немец недовольно шприхает — мол, поехали обратно, казнь в урочный час должна быть, а то непорядок. А старательный полицай-крестник напоследок вышел в огород и заорал:

— Эй ты, летун! Ты тут на печи по-

этом, как о чём-то сверхъестественном и необъяснимом. Мол, допрашивал некажистое пятное юля, началась великаяшная на земле битва, Орловско-Курская. Самолёты целый месяц летали тучами; немцы из дома Монаховых исчезли; семья перешла из землянки обратно под родной кров, да, видно, зря: авиабомба долбанула прямо в крышу.

Дом не обвалился, но потрескался, отца контузило, а кроватку Вали всю запылало молотым стеклом, так что родители малышку не сразу и нашли.

Потом во время налётов мать, если была далеко от погреба, того самого, просто кидала младенца прямо в коноплю. А то бежала в Дегтярную рощу,

и подростшая девочка дивилась красоте родного села.

— В горелки доподзда играли. Любимым местом для этого была площадка возле дома ребенка.

У меня на голове чуть шевельнулись волосы: ведь там когда-то стояла метровая, будто иррашущая и оттого ещё более зловещая виселица для трёхмесячной Вали... Как сильно детство, как легко обарывает оно самую чёрную черноту...

В аля Монахова, в шестьдесят шесть годов ставшая Валентиной Ивановной Садовой, сейчас живёт в Орле, в микрорайоне. Пестует внучат, вполне счастлива.

Если что-то в её рассказе-пересказе не совсем точно, пусть станет легендой — легенды есть часть жизни и нередко живут дольше самых стойких фактов.

Потому что они всегда есть цветное народное отражение серой истины и великой истории.

Юрий ОНОПРИЕНКО.
На снимке: супруги Монаховы с будущим партизаном и солдатом сыном Ваней. Фото довоенных лет, из семейного архива.

что почти посреди села, и накрывала одеялами да периной и Вало, и четырёхлетнего Володу, и восьмилетнего Кольку, и сама ложилась сверху, как курица над цыплятами.

Четырнадцатилетняя Аня и тринадцатилетняя Катюха убежали к партизанским землянкам в Думчинский лес; Аня давно уже была у старшего брата и его командира связанной, все тропки знала.

Когда же в Первый Воин вошли наши, среди них были и партизаны: и Иван, и... тот лётчик Иванов.

— Он маму и отца обнял, подарил подарков: шинель, швейную машинку... Эта машинка и сейчас у меня, вон в углу стоит.

Таращусь на облупленный швейный механизм, качаю головкой:

— Но всё же... как у него с тем следователем вышло?

— Никто не знает, лётчик сразу с нашими войсками ушёл. Может, он просто с детства знал тот дом, там же, говорят, до войны клуб был; так, может, лазейку какую тайную на чердак или в тёмную боковушку ведал. Тюкнул немца по-армейски да и утащил за стенку; не знаю; опытный был, видать...

Фамилия лётчика мной придумана: ни имени, ни фамилии его Валентина Ивановна не помнит, ей же самой всю эту историю сестра Аня давным-давно рассказывала. Красного хутора сейчас нет, старших и даже средних братьев нет...

— Я и сама маму плохо помню, она скоро умерла.

Мама успела родить ещё поскрёбыша Любу и в пятидесятом, зимою, скончалась. Ей едва исполнилось сорок четыре.

Валя помнит, что в тот день все вишни стали белыми. До сих пор почти уверена, что они были не в инее, а просто зацвели, провозжая маму в иной мир.

Отец прожил до середины семидесятых, пекарил для Думчинского пионерлагеря. Его булки не теряли формы, хоть сожми их вдвое; москвичи их охотно покупали целыми партиями и в шутку говорили, что везут для Кремля.

И отсидеть контуженному Кондратьевичу пришлось месяц: его подставил кладовщик, всю жизнь безнадежно любивший Александру Акимовну.

— Как-то заходит дядька, смотрит на мамин портрет и говорит: "Ах, Шура, Шура, какой ты была; и загубила себя так рано и так зря". И вышел к только что вернувшись с отсижки отцу в огород. Я потом спрашиваю: "Кто это был?"

Отец спокойно ответил: "Тот, кто меня посадил".

Послевоенный голод отступил, и подростшая девочка дивилась красоте родного села.

— В горелки доподзда играли. Любимым местом для этого была площадка возле дома ребенка.

У меня на голове чуть шевельнулись волосы: ведь там когда-то стояла метровая, будто иррашущая и оттого ещё более зловещая виселица для трёхмесячной Вали... Как сильно детство, как легко обарывает оно самую чёрную черноту...

В аля Монахова, в шестьдесят шесть годов ставшая Валентиной Ивановной Садовой, сейчас живёт в Орле, в микрорайоне. Пестует внучат, вполне счастлива.

Если что-то в её рассказе-пересказе не совсем точно, пусть станет легендой — легенды есть часть жизни и нередко живут дольше самых стойких фактов.

Потому что они всегда есть цветное народное отражение серой истины и великой истории.

Юрий ОНОПРИЕНКО.
На снимке: супруги Монаховы с будущим партизаном и солдатом сыном Ваней. Фото довоенных лет, из семейного архива.

Поздравления

Дорогие орловцы, ветераны и участники Великой Отечественной войны, труженики тыла!

От всей души поздравляю вас с одним из самых великих праздников России — Днем Победы!

В этот знаменательный день мы отдаем дань глубокого уважения нашим ветеранам, солдатам фронта и тыла, мужчинам и женщинам, тем, кто отстоял свободу и независимость нашей Родины, тем, кто встал на защиту Отечества и не щадил себя!

Искренне благодарю ветеранов за мужество, за терпение и стойкость духа, благодаря которым мы имеем возможность строить свою жизнь и растить детей. Вы всегда будете для нас высоким нравственным идеалом!

Тем, кого уже нет с нами, кто не дождал до этого светлого дня, вечная память!

Желаю всем вам и вашим близким здоровья, счастья, мира и добра!

С праздником вас, с Днем Победы!

И. Я. МОСЯКИН.
Депутат Государственной Думы.

1941 - 1945

Дорогие ветераны!
Орловское региональное отделение партии "Единая Россия" от всей души поздравляет вас с праздником — Днем Великой Победы нашего народа над фашистской Германией!
На примере стойкости, самоотверженности и храбрости героев Великой Отечественной войны в нашей стране выросло одно поколение. Дети и внуки победителей должны знать свою историю, гордиться ее славными традициями. Передать молодежи великий дух патриотизма — одна из задач государственной важности.
Мы склоняем голову перед вашим подвигом, потому что никакими словами не выразить нашей благодарности.
Пусть День Победы станет для вас, дорогие земляки и ветераны, нескончаемым днем мира! Желаем вам крепкого здоровья, благополучия, внимания близких и долгих лет жизни.
ОРО ВПП "Единая Россия".

Поклонные кресты в память о войнах-орловцах

Первые четыре Поклонных креста установлено в местах массовых захоронений солдат, погибших на территории Орловской области в разные годы при защите Отечества. Акция проводится по инициативе участника войны в Афганистане, руководителя клуба поисковиков из Великого Новгорода А.Г. Родионова в большинстве регионов России.

При поддержке орловской общественной организации "Православное братство святого Георгия Победоносца", глав местных администраций и жителей Поклонные кресты установлены в Троснянском, Малоархангельском, Знаменском и Хотынецком районах области.

Ожидается, что в ближайшие дни на Орловщине появятся ещё шесть таких крестов. Один из них — в Орле, на месте, где раньше находился храм святого Георгия Победоносца, покровителя всего православного воинства (за кинотеатром "Победа").

Информгентство "Орловской правды".

9 МАЯ

С Днем Победы!

Счастья, мира!

СЕТХОЛДИНГ
ЗАО Сет-Орел-инвест

ОАО «Ростелеком» поздравляет ветеранов всей страны с Днем Победы!

9 мая 2006 года ОАО «Ростелеком», национальный оператор дальней связи, предоставляет возможность ветеранам и инвалидам Великой Отечественной войны всей страны, а также приравненным к ним категориям граждан бесплатно позвонить в любой город России, а также стран СНГ и Балтии с переговорных пунктов и пунктов коллективного пользования. Общая продолжительность телефонных разговоров (соединений), предоставляемых одному лицу бесплатно, составит 10 минут.

Дополнительно предоставляются услуги по предоставлению информации о состоянии дел ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны, а также по предоставлению информации о состоянии дел ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны, а также по предоставлению информации о состоянии дел ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны.

ОАО «Ростелеком» (www.rt.ru) — национальный оператор дальней связи. Компания оказывает услуги на основе собственной транспортной телекоммуникационной сети протяженностью около 200 тыс. км на всей территории России. «Ростелеком» обеспечивает передачу основной доли междугородного и международного трафика, а также работу наземной сети телевизионных и радиовещательных каналов. Крупнейшим акционером компании «Ростелеком» является ОАО «Связьинвест», владеющее 50,67% голосующих акций.

За дополнительной информацией вы можете обратиться по телефону **8-800-200-00-33** (звонок бесплатный).
Лиц. А.029579 №29777 вид. Мин. РФ по связи и информатизации.

1945 года

Сбор воспоминаний о том великом дне продолжается. В этом году в канун праздника в школьный музей пришло очередное письмо.

...После ранения и лечения в госпитале я вернулся на фронт и попал в 109-й Гвардейский стрелковый полк 37-й Гвардейской стрелковой дивизии 65-й армии генерала Павла Ивановича Батова.

Назначили меня во второй батальон телефонистом. Дали автомат, патроны к нему, гранату, саперную лопату и как телефонисту катушку с проводом. В это время наша дивизия и армия готовились к форсированию Одера. Наконец прозвучала команда: "Повзводно поднять лодки и вперед — на воду!" Перед этим была артподготовка. Длилась она долго, стреляли из всех видов орудий, в том числе и из гвардейских минометов "катюша". Под аккомпанемент этого грохота и взрывов мы форсировали Одер и продвинулись вперед от берега на километр — полтора. Я прокладывал провод телефонной связи для ротного КП. Вокруг

свистели пули, взрывались снаряды и мины. Так мы с боями пробивались по северо-западу Германии и 7 мая вышли к Балтийскому морю у города Росток. Перед самой кромкой воды наши танки резко остановились. Быстро выпрыгнув из башенных люков, танкисты бросились бежать к морю с криками: "Балтика наша!" Сняв танкистские шлемы, мы поплыли по морю, умылись. Вот такое было наше счастье!

Недалеко стоял двухэтажный особняк. Солдаты разместились на первом этаже. На втором этаже — командование. Оказалось, что это особняк немецкого адмирала! Немного отдохнули, а в темноте вечером — команда: "Стройся!", и мы пошли походным строем. Прошли пять километров. В лесу, недалеко от опушки, стояли палатки, приготовленные для нас. Разместились повзводно, телефонисты рядом со штабом батальона. Для личного оружия смастерили пирамиду, расставили караулы и автоматы. Кроме караула, все легли отдыхать. Мое время заступать на пост — четыре утра. Разбу-

дили. Взял автомат, сменил караульного. Прохаживаюсь по дорожке между палатками. И вдруг дежурный телефонист выскакивает из палатки и кричит: "Ребята, война кончилась! Конец войне!" От такой новости рука, держащая автомат, у меня ослабела, автомат, скользя вниз, ударился о землю. Дальше — лязг затвора, выстрел. На мое счастье, пуля прошла под звездочку пилотки. Голову не задела. Я же стоял ошеломленный. Только слышу слова: "Война кончилась, а ты от смерти в сантиметре был!" Автомат был установлен на одиночный выстрел.

Это было 8 мая — незабываемый день моей жизни. В полдень — построение полка, поздравление. За нашими спинами — длинные столы примерно по двадцать пять метров, на цельные полки. Саперы соорудили, интенданты накрыли. На столах свежий хлеб без нормы, много хлеба, картофель с мясной тушкой и, как полагаются по такому случаю, сто граммов фронтальных. Праздновали нашу долгожданную, выстраданную кровь, потом и жизнью Победу.
П. М. Буглаков.

На фронт я попал в первые же дни Великой Отечественной войны. 18 июля 1941 года наш полк, который формировался в Ливнах, был выдвинут под Ельню (небольшой городок в Смоленской области).

Добирались мы туда в товарном поезде. В районе Брянска вражеская авиация начала бомбить эшелон: мы потеряли убитыми четырех солдат-артиллеристов.

От Брянска по направлению на Спасск-Деминск поезд двигался ночью. Был строгий приказ: не разводить огня, не курить, не шуметь, не разговаривать громко. Не доезжая до города, на каком-то глухом разъезде полк выгрузился. Было утро. Весь день шли под пальцем солнышка на боевые позиции. А навстречку нам сплошным потоком по проселкам двигались мирные жители. Они покидали свои дома, оказавшиеся в прифронтовой полосе. На повозках, тачках, лошадаж и везли свой домашний скраб, увидели скот. Это было печальное зрелище. И мы тяжело переживали страдания наших соотечественников.

К вечеру того же дня полк добрался до отведенных позиций. Штаб разместился в блиндаже, под высокой железнодорожной насыпью, остальные подразделения — в молодом ельнике. Противник был близко. Пули свистели над головами. Перед нами не было ни окопов, ни траншей — никаких защитных сооружений. О противнике мы почти ничего не знали. Я был полковым разведчиком, ко-

Разведка боем

мандовал отделением разведывательного взвода. Начальник штаба полка собрал нас и отдал приказ: провести разведку боем, побить немцев из блиндажа, который мешал нашему продвижению вперед. Он показал, где расположен этот блиндаж на карте, добавил, что в случае успеха все бойцы будут представлены к наградам.

ми винтовками. СВТ — очень капризная штука. Достаточно было попасть в затвор песчинке, и винтовка отказывала.

Кто был на фронте, тот знает, что такое разведка боем: ты наступаешь, а противник бьет в упор из всех видов оружия. Бежишь навстречку своей смерти. Но приказ командира не обсуждают — идет война.

Через мелкий кустарник, ложину, необработанную пшеницу мы пробрались благополучно. Но когда вышли на чистую пашню и побежали к окопам врага, немцы открыли шквальный огонь из пулеметов, автоматов, минометов. Стало страшно, нервы были напряжены: вот сейчас ударит пуля — и останешься ты навеки лежать в сырой земле.

Такую разведку боем мы проводили не раз, смотрели смерти в глаза. В очередной раз, 10 августа, вражеская мина разорвалась рядом — я упал, сверху посыпалась земля. Осколками раздробило колено правой ноги. Я не мог ни идти, ни ползти. Боль страшная. На счастье рядом оказался товарищ Гаврюша Солдатенков (кажется, родом из Красной Зари). Он затащил меня в воронку. Здесь мы и пережили обстрел. Потом Гаврюша помог добраться мне в расположение полка. Тут раную мою обработали, перевязали, и начались скитания по госпиталю. Эвакуировали в глубокий тыл, за Урал, в город Чкалов (ныне Оренбург).

Почти полгода я был в госпитале.

Выписали с формулировкой: негоден к службе в армии, с переосвидетельствованием через шесть месяцев. Когда началась Орловско-Курская битва, меня снова призвали на фронт. Из-за состояния ноги меня не послали в маршевые роты, на передовую. Все состоялось до конца войны дни я служил в штабе управления 4-й Гвардейской Краснознаменной орденов Суворова и Богдана Хмельницкого воздушно-десантной дивизии. День Победы я встретил в сорока километрах от Праги.

На фронт в 41-м меня провозжала невеста Лида. Она жила тогда на станции Верховье. Мы переписывались, она ждала меня. После окончания войны мы поженились. У нас двое детей, трое внуков, а в марте этого года появилась и правнучка — маленькая крошка, которую мы назвали Ульяной. Это наша радость и надежда.

Сейчас, по прошествии многих лет, мне хочется сказать, что Красная Армия, советский народ разгромили лютого врага, отстояли честь и независимость Родины, освободили Европу от коринчевой чумы. И пусть западные политики и историки не приписывают эту заслугу кому-то другому. Слава Победы принадлежит нашему народу и русскому оружию.

Григорий КОНОНОВ.
Гвардии сержант, ветеран, инвалид Великой Отечественной войны, член Союза журналистов России.